

12. Supplementary Rules of Court of Justice // OJ. – L 350. – 28.12.1974. – P. 29–32; L 103. – 19.04.1997. – P. 4–5; L 72. – 11.03.2006. – P. 1–3.

13. Rules of procedure of the General Court, 2 May 1991 [Electronic resource] / Curia. – Luxembourg, 2012. – UPL : http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2008-09/txt7_2008-09-25_14-08-6_431.pdf.

14. Rules of Procedure of the European Union Civil Service Tribunal of 25 July 2007 // OJ. – L 225. – 29.08.2007. – P. 1–29; L 69. – 13.03.2008. – P. 37; L 24. – 28.01.2009. – P. 10; L 92. – 13.04.2010. – P. 17–18; L 162. – 22.06.2011. – P. 19.

15. Decision of the Court of Justice on the lodging and service of procedural documents by means of e-Curia, 13 September 2011 // OJ. – C 289. – 01.10.2011. – P. 7–8.

Артыкул прадстаўлены ў рэдакцыю 15.07.2013 г.

РОЛЬ ПЕКИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1995 г. И ЕЕ ИТОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Е. В. Сягровец

В данной статье автором исследуется разработка в рамках IV Всемирной конференции ООН по положению женщин 1995 г. инновационного подхода к реализации принципа недискриминации и равноправия по признаку пола на международном и национальном уровнях.

Автор анализирует предпосылки формирования концепции гендерного равенства, обусловленные необходимостью переосмысления проблемы правового статуса женщины с сторону изменения социальной детерминированности ролей каждого из полов.

В статье исследуется юридическая природа итоговых документов конференции 1995 г., особый статус Заключительного акта Пекинской конференции.

The article is devoted to the development of innovative approach to the realization of the principle of nondiscrimination and gender equality on the international and national level. This approach have been worked out in the frame of the Fourth World UN Conference on Women of 1995.

The author analyses preconditions of development of gender equality, which have been determined by the necessity of reevaluation of woman legal status towards changing of social determination of the role of men and women.

Attention is also given to the legal nature of the Beijing Conference final documents and the special status of the Final Act of the Beijing Conference.

Ключевые слова: Пекинская конференция, принцип недискриминации, гендерное равноправие.

Keywords: Beijing Conference, gender equality, principle of nondiscrimination.

Четвертая Всемирная конференция по положению женщин 1995 г. (КПЖ) стала важным событием международного масштаба. Конференция

завершила череду международных мероприятий XX в. по улучшению положения женщин. Объявление 1975 г. Международным годом женщин, провозглашение Десятилетия женщины ООН (1976–1985), разработка и принятие Конвенции 1979 г., проведение трех всемирных конференций по этой проблеме – все эти события способствовали изменению правового статуса женщин на национальном и международном уровнях. Четвертая конференция стала своего рода итогом этих мероприятий, однако основной ее особенностью являлся глубокий анализ проделанной работы и, как следствие, переосмысление методов в решении проблемы неравноправного положения женщин.

Применение традиционного подхода к проблеме дискриминации по признаку пола на международном и национальном уровнях оказалось малоэффективным. Стало очевидно, что общий принцип равенства без различий между мужчинами и женщинами, надлежащим образом обоснованный в праве, часто влечет скрытую дискриминацию последних. Из-за различия социальных ролей мужчин и женщин равенство *de jure* часто ведет к дискриминации *de facto*.

В то же время выделение прав женщин в особую категорию правового регулирования в некоторой степени ограничивает их применение рамками социальной группы. Основной причиной возникновения данных противоречий в процессе реализации принципа недискриминации по признаку пола является фактор репродуктивной функции женщины, который проявляется чаще всего в семейной, социально-экономической и трудовой сфере. Безусловно, необходимость реализации государственной политики в области охраны материнства не подлежит сомнению, однако наличие специальных «охранительных» мер обуславливает меньшую конкурентоспособность женщин на рынке труда (запрет для женщин на выполнение некоторых видов работ, ограничение режима рабочего времени, в частности командировок, сверхурочных работ, работы в ночное время). С другой стороны, полное уравнивание прав женщин с мужчинами фактически невозможно из-за биологических особенностей женского организма, отсутствие специальных мер по защите женщины в период беременности и родов поставит под угрозу жизнь и здоровье матери и ребенка.

Однако ориентация законов на защиту матери-работницы, а не родителя, независимо от пола (работника с семейными обязанностями), снижает спрос на женский труд и не способствует экономической независимости женщины. Кроме того, необходимость совмещения женщиной выполнения домашней работы, ухода за детьми с осуществлением профессиональной деятельности не способствует ее карьерному росту и продвижению по службе.

Таким образом, эффективность реализации принципа недискриминации и равноправия по признаку пола зависит не только от изменения правового-

го статуса женщины, но и от изменения социальной детерминированности ролей каждого из полов.

Пересмотр концепции осуществления политики равноправия обусловил формирование нового подхода к данному вопросу на международном уровне. Международное сообщество наконец признало необходимость перенести основное внимание с проблемы правового статуса женщины на концепцию полов, переосмыслить всю социальную структуру и отношения между мужчинами и женщинами. Только путем такой фундаментальной реструктуризации общества и его институтов возможна действительная реализация принципа равноправия мужчин и женщин.

Новым подходом к решению этого вопроса стала теория гендерного равноправия. Родоначальницей этой концепции можно по праву считать философа-экзистенциалиста французенку С. де Бовуар. Большая поклонница «советской» модели эмансипации, она уже в 1949 г. написала двухтомную работу о положении женщин – «Второй пол». В своей работе С. де Бовуар впервые обосновала суть социополовых различий между мужчинами и женщинами, она утверждала, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся». «Биологические различия между мужчинами и женщинами есть, но социальные различия не предопределены природой, а созданы искусственно обществом» [1, р. 136], – писала С. де Бовуар. Эта мысль впоследствии была развита в концепцию гендерного равноправия.

Термин «гендер» впервые ввела в употребление автор книги «Равенство и структура дискриминации» американский ученый С. Окин, определив его как глубоко укрепленную институционализацию различий между полами, пронизывающую общество [2, р. 71]. Римский статут Международного уголовного суда (МУС) 1998 г. (ст. 7) определяет этот термин как «два пола, мужской и женский, в контексте общества...» [3, с. 99]. Другими словами, понятие «гендер» можно интерпретировать как совокупность социальных и культурных норм, определенных обществом в отношении каждого биологического пола. Не биологические различия, а социокультурные нормы обуславливают в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной значит не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями, а выполнять те или иные предписанные мужчинам или женщинам гендерные роли [4, с. 27].

Гендерный подход к вопросу равноправия мужчин и женщин был впервые апробирован на международном уровне на Пекинской конференции 1995 г. Применение качественно новой оценки правоотношений между представителями обоих полов позволило рассмотреть проблему дискриминации не только женщин, но и мужчин. Пекинская конференция подчеркнула, что «гендерное равенство – это всеобщая проблема, от решения

которой выигрывают все», и заявила, что «достижение реального равенства мужчин и женщин невозможно без активного участия мужчин в этом процессе» [5, с. 2].

Подготовка к IV Всемирной конференции ООН по положению женщин проходила в период формирования новой системы международных отношений, вызванной изменением мировой геополитической системы.

Уже с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. между двумя сверхдержавами – СССР и США – произошли заметные изменения в сторону значительного «потепления» отношений, перехода от конфронтации и противостояния к сотрудничеству [6, с. 281], наметилась тенденция к осуществлению советско-американского диалога в области прав человека. Советский Союз стал активно поддерживать концепцию примата международного права во внутренней и внешней политике государств [7, л. 72]. Более того, в 1991 г. на Московской конференции СБСЕ по человеческому измерению СССР признал, что проблемы «прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона носят международный характер» и обязательства, принятые государствами в области человеческого измерения СБСЕ, представляют «непосредственный и законный интерес для всех государств-участников и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства» [8, с. 69].

Начало демократизации внешней и внутренней политики СССР в области прав человека обусловило перемещение фокуса критики по правам человека на развивающиеся страны. Государства – члены «Группы 77» и Движения неприсоединения стали проявлять явное недовольство повышенным вниманием Запада к проблеме реализации прав человека в национальном законодательстве своих стран. Кроме того, в развивающихся государствах усиливалось влияние Китая, политическая позиция которого основывалась на строгом соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела государства по всем вопросам, включая и права человека. Китайскую позицию исключительной национальной юрисдикции разделяли и некоторые арабские страны (Ливан, Ирак и др.) [9, л. 21]. Принципиальные расхождения в сфере использования механизма реализации прав человека привели к заметному охлаждению отношений между странами Юга и Севера [6, с. 298].

Итак, после окончания холодной войны произошла существенная трансформация устоявшихся форм международных связей. Политико-идеологическая конфронтация Запад – Восток переросла теперь в идеологическое противостояние Севера и Юга. Северный блок (США, Канада, страны Европейского союза) выступал за усиление международного контроля в области осуществления прав человека, отдавал приоритет универсальной защите и предупреждению нарушения этих прав. Южный блок (Китай, Куба, арабские государства) настаивал на том, чтобы обе-

спечение и защита прав человека осуществлялись с преимущественным учетом страновых традиций, культурных, религиозных и иных особенностей [10, л. 13].

Не способствовали стабилизации международных отношений и стремительные геополитические изменения в СССР. После распада Советского Союза все его союзные республики стали независимыми государствами и оказались в процессе определения собственной роли и места в формирующейся системе нового мироустройства, в том числе и в структурах ООН. Резкая трансформация геополитических и экономических связей стала причиной социально-экономического кризиса в постсоветских республиках и обусловила необходимость перераспределения международной финансовой помощи с учетом интересов стран переходного периода. В результате у развивающихся стран, многие годы получавших различного рода дотации на развитие, появились конкуренты из числа постсоветских государств. Все эти проблемы отразились на процессе подготовки Конференции и ее итоговых документов. Если на трех предыдущих форумах краеугольным камнем повестки дня являлись политические вопросы, то на четвертой Конференции первоочередной проблемой оказалось перераспределение экономической помощи.

КПЖ вновь действовала в качестве подготовительного органа Всемирной конференции и разрабатывала ее заключительные документы. Генеральным секретарем по подготовке IV Всемирной конференции была назначена Г. Монгелла (Танзания). Республика Беларусь участвовала в подготовительной работе Пекинской конференции уже как независимое государство, самостоятельный член международного сообщества. Беларусь была избрана в состав КПЖ и принимала активное участие в ее работе с 1 января 1993 г. по 31 декабря 1996 г. [11, л. 13].

Социально-экономические преобразования внутри государства в некоторой мере затрудняли адаптацию Беларуси к принципиально новым условиям внешнеполитической ситуации. По существу, наше государство несло на себе двойное бремя проблем: перестройку всей системы экономических, социальных и политических отношений и необходимость ликвидации последствий Чернобыльской экологической катастрофы. Республика Беларусь в тот период, как никогда, нуждалась в поддержке международного сообщества.

Однако призыв белорусской делегации включить в Пекинскую декларацию и Программу действий особые пункты, касающиеся помощи государствам с переходной экономикой, не нашел поддержки в КПЖ. По нашему мнению, причиной столь сдержанного отношения государств – членов Комиссии к нуждам постсоветских государств стало перераспределение сил внутри Комиссии. Необходимо отметить, что в связи с расширением в 1989 г.

состава КПЖ⁹ до 45 государств, 13 дополнительных мест получили развивающиеся страны «Группы 77» [12, л. 1]. Это обстоятельство способствовало значительному усилению позиций развивающихся стран в КПЖ и позволило им наиболее полно использовать такое преимущество для защиты «коллективных» интересов своих стран. Используя численное преимущество в Комиссии, развивающиеся страны блокировали все попытки стран с переходной экономикой, а значит, и Республики Беларусь, получить международную финансовую помощь. Нельзя согласиться с позицией развивающихся стран в отношении постсоветских государств, озвученной на 48-й сессии ГА ООН в 1994 г. делегацией Пакистана, которая заявила, что привилегия экономической помощи постсоветским государствам не может являться «политической наградой за их отказ от коммунизма в пользу многопартийной демократии» [13, л. 9].

Четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин проходила в Пекине (Китай) с 4 по 15 сентября 1995 г. Форум привлек беспрецедентное внимание мирового сообщества и стал одним из самых многочисленных собраний представителей правительств и общественных организаций. На Конференции присутствовало 17 тыс. делегатов, включая представителей 190 государств [14, с. 2]. Республику Беларусь представляла делегация в составе шести человек во главе с заместителем председателя Кабинета Министров В. В. Русакевичем. В состав делегации входили С. А. Посохов, О. Б. Даргель, Н. И. Дрозд, А. А. Сиволобова [14, с. 4].

Пекинская конференция приняла обновленное международное обязательство по повсеместному расширению прав и возможностей женщин в контексте концепции гендерного равенства. На Конференции была принята Пекинская декларация и Платформа действий, которая представляла собой план по реализации и эффективному осуществлению, защите и поощрению равных прав и возможностей для женщин и мужчин [5, с. 25].

Принимая Пекинскую платформу действий, правительства взяли на себя обязательства по эффективному включению аспекта гендерной проблематики во все государственные институты, стратегии, планирование и принятие решений. На деле это означало, что до принятия решений на национальном, международном или региональном уровнях необходимо учитывать их предполагаемые последствия как для женщин, так и для мужчин в равной степени. Кроме того, Платформа действий предусматривала повсеместное и регулярное проведение статистических исследований на

⁹ Согласно резолюции E/RES/1989/45 от 24 мая 1989 г. ЭКОСОС постановил увеличить членский состав КПЖ до 45 государств-членов, избираемых ЭКОСОС на четырехлетний срок на основе принципа справедливого географического представительства (13 из стран Африки; 11 из стран Азии; 4 из стран Восточной Европы; 9 из стран Латинской Америки и Карибского бассейна и 8 из западноевропейских и других стран).

национальном, региональном и международном уровнях для изучения и анализа потребностей женщин и мужчин.

Платформа действий выделила 12 важнейших проблемных областей, где женщины в наибольшей степени подвержены дискриминации: женщины и нищета; образование и профессиональная подготовка женщин; женщины и здравоохранение; насилие в отношении женщин; женщины в период вооруженных конфликтов; женщины и экономика; участие женщин в работе директивных органов и в процессе принятия решений; институциональные механизмы улучшения положения женщин; женщины и права человека; женщины и средства массовой информации; женщины и окружающая среда; девочки.

Кроме того, Платформа действий предусматривала создание механизма отчетности на национальном, региональном и международном уровнях по осуществлению практических мер по улучшению положения женщин в указанных областях [5, с. 18–19]. Основная ответственность за осуществление провозглашенных на Конференции целей и стратегий была возложена на национальные правительства, и заявлено: «Четвертая Всемирная конференция по положению женщин – это форум национальных и международных обязательств и действий» [5, с. 202].

Не вызывает сомнения тот факт, что принятие мировым сообществом обновленных глобальных обязательств, направленных на расширение прав и возможностей женщин на национальном, региональном и международном уровнях, стало значительным шагом на пути достижения равенства мужчин и женщин. Заключительный акт Пекинской конференции представляет собой механизм воздействия на государства с целью практического осуществления государствами – участниками Конференции своих обязательств по улучшению положения женщин. Однако эффективность реализации данного документа обусловлена определением его юридической природы, признанием его формой международного правотворчества, формой существования международно-правовых норм.

В этой связи необходимо отметить, что доктрина международного права не дает однозначного ответа на вопрос, обладают ли заключительные акты международных конференций юридической силой и возможно ли их считать источником международного права, т. е. «формой существования международно-правовых норм» [15, с. 18]. Кроме того, решение проблемы определения круга источников международного права затрудняется отсутствием общепризнанного международно-правового документа, который устанавливал бы перечень источников и давал их определение.

При выявлении круга источников принято ссылаться прежде всего на ст. 38 Статута Международного суда ООН. В ней говорится, что, решая споры на основе международного права, суд применяет конвенции, обычаи, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями. В качестве

вспомогательных средств для определения правовых норм могут применяться в определенных ситуациях судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных юристов-международников [16, с. 23].

Однако сегодня в теории международного права буквальное толкование ст. 38 подвергается обоснованной критике. В этом нет ничего удивительного, ведь Статут Международного суда ООН был разработан в спешном порядке за несколько дней до открытия учредительной конференции Объединенных Наций весной 1945 г. Положения проекта Статута Международного суда базировались на тексте Статута Постоянной палаты международного правосудия, выработанном в 1919 г. в Версале сразу же после Первой мировой войны, и нормативный материал того времени был незначителен [16, с. 23]. Между тем развитие международного сотрудничества во второй половине XX в. обусловило появление новых методов создания и форм существования международных норм. Как справедливо отмечает российский юрист Г. В. Игнатенко, «дипломатическая практика государств, активная деятельность международных организаций и проведение государствами международных конференций свидетельствуют о рождении новых форм воплощения международно-правовых норм в виде актов международных конференций и актов международных организаций» [17, с. 109].

В контексте общей эволюции международного права, усложнения межгосударственного сотрудничества эти документы приобретают все большее значение. Привлекательность актов международных конференций и международных организаций объясняется их гибкостью, способностью быстро адаптироваться к меняющимся условиям международной жизни [18, с. 236].

По поводу юридической силы данных документов в современной доктрине международного права существуют различные точки зрения.

Немало ученых-правоведов, в их числе В. А. Василенко [19, с. 2], И. И. Лукашук [16, с. 27], считают, что заключительные акты международных конференций не являются юридически обязательными, но в силу принципа добросовестности выполнения международных обязательств предполагается, что они будут уважаться участниками как морально-политические обязательства. По мнению Ю. М. Колосова, совместные заявления государств (по итогам переговоров, конференций) могут служить вспомогательным средством для определения обычной нормы [20, с. 59].

Несколько иной позиции придерживается российский ученый Н. А. Ушаков: не причисляя акты международных конференций к документам, обладающим юридической силой международных договоров, он все же подчеркивал, что государства, подписав данное соглашение, подразумевают необходимость соблюдения его положений [21, с. 24]. С. В. Черниченко, в свою очередь, отмечал, что решения международных конференций, являющихся межгосударственными форумами, могут быть юридически обязательными документами, если «содержат нормы международного права» [22, с. 86].

Заслуживает особого внимания точка зрения российского ученого Г. В. Игнатенко, который причисляет документы международных конференций к нормативным актам при наличии у них следующих признаков юридических обязательств: во-первых, они должны регулировать отношения между государствами; во-вторых, иметь общий характер и реализовываться во всех предусмотренных случаях; в-третьих, основные положения указанных актов излагаются в форме долженствования («обязуются...», «будут обеспечивать...», «государства должны...»); и, в-четвертых, они должны предусматривать строгий контроль за соблюдением согласованных мер [17, с. 116–117]. Данную точку зрения разделяют многие российские и западные ученые, среди которых: Г. М. Мелков [15, с. 22–27], Л. П. Ануфриева [27, с. 22–27], С. А. Малинин [23, с. 22], Д. И. Нурумов [24, с. 147–148], норвежский юрист Дж. П. Бургес [25, р. 467–489], американские ученые П. Коттрелл и Д. М. Трубек [26].

Интересным представляется мнение представителей французской правовой школы П. Дайте, А. Пелле и Н. К. Динь, относящих итоговые документы международных конференций к «стихийным» [18, с. 234] способам формирования права, которые являются недоговорными согласованными актами, способными обладать юридической силой и быть источниками международного права. Эти документы, по их мнению, возникают в результате согласования воль субъектов международного права и порождают определенные ожидания, обусловленные принципом добросовестности исполнения таких соглашений. Более того, несмотря на то что акты международных конференций не соответствуют режиму международных договоров и, в частности, его основному принципу – *acta sunt servanda*, «их юридической силой нельзя пренебрегать» [18, с. 237]. Кроме того, они отмечают, что содержание недоговорных согласованных актов может быть юридически обязательным для государств – участников конференции и в силу решения международной организации, к примеру, в соответствии с правообразующими резолюциями ГА ООН [18, с. 238]. Значение названных резолюций ГА ООН было также подчеркнуто в консультативном заключении Международного суда ООН по запросу ГА ООН о законности применения ядерного оружия от 8 июля 1996 г. [27, пар. 79].

Анализ вышесказанного позволяет говорить об отсутствии единого подхода не только к определению юридической природы заключительных актов международных конференций, но и к самому процессу нормообразования в международном праве [28, с. 143]. В настоящее время сложно дать однозначную общую оценку места и роли актов международных конференций в международном правотворческом процессе. В связи с этим при определении юридической силы заключительного акта нам представляется целесообразным исходить из содержания конкретного международного документа, учитывая намерения государств придать или не придать ему

юридическую силу. По нашему мнению, при определении юридической обязательности данной категории документов необходимо применять индивидуальный подход к каждому из них.

Что касается заключительного акта Пекинской конференции – Платформы действий, считаем, что ее положения являются обязательными для исполнения государствами-участниками. При этом мы основываемся на наличии следующих критериев: в о - п е р в ы х, заключительный акт Пекинской конференции является результатом согласования воли суверенных государств, членов ООН, субъектов международного права; в о - в т о р ы х, правила, закрепленные в этих документах, имеют общий характер и должны реализовываться во всех предусмотренных документами случаях; в - т р е т ь и х, формулировки, используемые в итоговых документах Пекинской конференции, имеют форму долженствования: «...мы настоящим принимаем и как правительства обязуемся выполнять нижеследующую Платформу действий» [29, с. 6], «осуществление Платформы требует обязательств со стороны правительств...» [29, с. 3], «деятельность, которая должна осуществляться правительствами...» [29, с. 26], «правительства несут главную ответственность за осуществление Платформы действий» [29, с. 131] и т. д.; в - ч е т в е р т ы х, Пекинская платформа действий предусматривает механизмы контроля за соблюдением принятых на себя обязательств (пп. 293–328) [29, с. 131–137]. В частности, согласно резолюциям ГА ООН 50/203 от 22 декабря 1995 г.; 51/69 от 12 декабря 1996 г.; 52/100 от 12 декабря 1997 г.; 53/120 от 9 декабря 1998 г.; 54/141 от 17 декабря 1999 г., в системе ООН создан трехступенчатый межправительственный механизм контроля, который включает ГА, ЭКОСОС и КПЖ, уполномоченные разрабатывать и координировать общую политику осуществления положений Пекинской платформы действий по улучшению положения женщин. Кроме того, ГА своей резолюцией 50/203 [30] рекомендовала государствам – участникам Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДОЖ) включать в свои доклады (согласно ст. 18 Конвенции) информацию о мерах, принимаемых для осуществления мероприятий, предусмотренных Пекинской платформой действий. В - п я т ы х, большинство положений Пекинской платформы обязательны для исполнения в силу их закрепления в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. По сути, принятие Платформы действий было призвано усилить и конкретизировать [31] положения названной Конвенции, разработать действенный план по их практической реализации на международном, региональном и национальном уровнях.

О принципиальном значении итоговых документов Пекинской конференции свидетельствует систематическая ссылка на них в резолюциях ГА, ЭКОСОС и Совета Безопасности ООН. К примеру, ГА ООН каждый год рассматривает и принимает резолюции о последующей деятельности в свя-

зи с IV Всемирной конференцией по положению женщин и о полном осуществлении Пекинской декларации и Платформы действий, в которых подтверждает данный итоговый документ, признает, что его осуществление и выполнение обязательств по Конвенции 1989 г. подкрепляют друг друга в деле реализации равенства мужчин и женщин. В резолюциях содержится призыв проявлять всестороннюю приверженность итоговым документам Пекинской конференции (А/55/596 от 4 декабря 2000 г.; А/56/577 от 19 декабря 2001 г.; А/57/550 от 18 декабря 2002 г.; А/58/502 от 22 декабря 2003 г.; А/59/497 от 20 декабря 2004 г.; А/60/504 от 16 декабря 2005 г.; А/61/438 от 19 декабря 2006 г.; А/62/433 от 18 декабря 2007 г.).

Особое значение Пекинской декларации и Платформы действий было отмечено на 23-й специальной сессии ГА ООН «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке», известной также как «Пекин+5» [32].

Значимость Пекинской декларации и Платформы действий была подтверждена в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., в котором главы государств и правительств подтвердили, что полное и эффективное осуществление целей и задач Пекинской декларации и Платформы действий является важным вкладом в достижение согласованных на международном уровне целей в области развития, в том числе и целей, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН [33].

Важность итоговых документов Пекинской конференции была отмечена в резолюции Совета Безопасности ООН 1325 (2000) «Женщины и мир и безопасность», в которой Совет Безопасности, ссылаясь на обязательства, «закрепленные в Пекинской декларации и Платформе действий», призвал государства-члены обеспечить более активное участие женщин в процессах урегулирования конфликтов и мирных процессах на всех уровнях [34].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о всеобщем признании и устойчивой практике применения итоговых документов Пекинской конференции в международном сообществе. В соответствии со ст. 38 (п. *b* п. 1) Статута Международного суда ООН всеобщая практика, признанная в качестве правовой нормы, является доказательством наличия международного обычая. По мнению И. И. Лукашука, в доктрине международного права находит признание идея «моментального обычного права» [16, с. 109–110], которое сегодня является наиболее эффективным способом формирования значительного числа норм в сравнительно короткие сроки, что является чрезвычайно важным моментом в наш динамичный век. По его мнению, современное международное обычное право формируется преимущественно через *opinio juris*, которые формируются не только в процессе длительной практики, поскольку в международном сообществе, как и в любой иной демократической системе, обнаруживается тенденция к усилению роли представительного большинства. Он считает, что на современном этапе развития межгосударственных отношений в формировании норм

обычного права все большее значение приобретают резолюции международных организаций и заключительных актов международных конференций, поскольку они быстро создаются, способны формировать и закреплять сложившуюся практику межгосударственного сотрудничества [16, с. 105]. Указанную точку зрения поддерживают и некоторые западные ученые, в частности Т. Сантини [35, р. 24–25] и Б. Аби-Сааба [36, р. 56–57].

Данная тенденция нашла подтверждение и в Консультативном заключении Международного суда ООН о правомерности применения ядерного оружия от 8 июля 1996 г., в котором Суд отмечал, что резолюции ГА, даже если они не являются сами по себе обязательными, могут иногда обладать нормативным значением. Они могут в определенных условиях служить свидетельством, важным для установления существования нормы или формирования *opinio juris*. Также серия резолюций может демонстрировать постепенное становление *opinio juris*, требуемое для установления новой нормы [27].

Таким образом, широкое признание итоговых документов Пекинской конференции на международном и внутригосударственном уровнях, о чем свидетельствует разработка государствами – участниками Конференции периодических планов по реализации положений Платформы действий на национальном уровне, неоднократные ссылки на Заключительный акт Пекинской конференции в резолюциях ГА ООН и в резолюциях международных конференций не оставляют сомнения в нормативности таких документов, а это свидетельство особого статуса Пекинской конференции и Программы действий по отношению к иным актам международных конференций. Заключительный акт Пекинской конференции можно считать одной из форм существования международно-правовых норм.

Республика Беларусь, подписав Пекинскую платформу действий на IV Всемирной конференции ООН по положению женщин в 1995 г., приняла на себя обязательства по выполнению всех закрепленных в ней положений [37, с. 7–11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Beauvoir S. de. Le deuxieme sexe* : en 2 vol. – Paris : Gallimard, 1949. – Vol. 2.
2. *Moller Okin S. Rousseau's natural woman* // *J. of Politics*. – 1979. – Vol. 41, № 2. – P. 316–393.
3. Римский статут Международного уголовного суда // *Междунар. защита прав и свобод человека* : сб. док. / сост. Г. М. Мелков. – М., 1990.
4. *Словарь гендерных терминов* / Регион. обществ. орг. «Восток – Запад: жен. инновац. проекты»; под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002.
5. Пекинская декларация и Платформа действий. Пекин+5 : Политическая декларация и Итоговый документ / ООН, Департамент обществ. информ. – Нью-Йорк : ООН, 2002.

6. *Ваусс М.* Международные отношения после 1945 года / пер. с фр. С. Ф. Колмакова. – М. : Городец, 2005.

7. Отчеты советских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН 1990 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 3. – Оп. 3. – Д. 1235.

8. Документ Московского совещания-конференции по человеческому измерению СБСЕ, Москва, 3 окт. 1991 г. // Документы по человеческому измерению ОБСЕ : сб. / сост. Д. Макголдрик. – Варшава, 1995. – С. 69–84.

9. Отчет 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1994 года. Выступление на пекинской конференции зам. премьер-министра Китая Цянь Цичэнь // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1117.

10. Информация о 4-й сессии подготовительного комитета и Всемирной конференции по правам человека 1993 года // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 317.

11. Документы об участии Республики Беларусь в работе Комиссии по положению женщин // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 317.

12. Отчет о работе делегации БССР на Международных конференциях ОМО в 1990 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 3. – Оп. 3. – Д. 1223.

13. Отчет об участии Республики Беларусь в работе 48-й и 49-й сессий Генеральной Ассамблеи ООН 1994–1995 гг. // Архив МИД Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 760.

14. Нашы ў Пекіне : [афіц. дэлегацыя Рэсп. Беларусь на IV Сусвет. канф. па становішчы жанчын] // Аляся. – 1995. – № 10. – С. 4–6; № 11. – С. 2.

15. Международное публичное право : учебник / Л. П. Ануфриева [и др.]; под ред. К. А. Бекашева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2003. – 635 с.

16. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. – М. : Волтерс Клувер, 2007.

17. Международное право : учеб. для вузов / отв. ред.: Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2003.

18. *Нгуен Куок Динь, Дайе П., Пелле А.* Международное публичное право : в 2 т. : пер. с фр. – Киев : Сфера, 2000. – Т. 1, кн. 1: Формирование международного права.

19. *Василенко В. А.* Основы теории международного права. – Киев : Вищ. шк., 1988.

20. Международное право : учебник / отв. ред.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2005.

21. *Ушаков Н. А.* Международное право : учебник. – М. : Юрист, 2003.

22. Международное право : учебник / отв. ред.: А. А. Ковалев, С. В. Черниченко. – 2-е изд. – М. : Омега-Л, 2007.

23. *Малинин С. А.* Совещание в Хельсинки (1975 г.) и международное право // Изв. вузов. Правоведение. – 1976. – № 2. – С. 20–29.

24. *Нурумов Д. И.* Особенности формирования в международном праве норм защиты прав человека // Междунар. право. – 2001. – № 5. – С. 138–151.

25. *Burgess J. P.* What's so European about European Union? Legitimacy between institution and identity // *Europ. J. of Social Theory.* – 2002. – Vol. 5, № 4. – P. 467–489.

26. *Trubek D.M.* «Soft Law», «Hard Law» and European integration: toward a theory of hybridity // *Jean Monnet Working Papers [Electronic resource].* – 2005. – № 02/05. – URL : <http://www.jeanmonnetprogram.org/papers/05/050201.pdf>.

27. Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, 19 июля 1996 г., (A/51/218) // ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия (51). Официальные отчеты: дополнения [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк, 1996. – 2000–2008. – URL : http://www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_1996-07-08.pdf.

28. *Тункин Г. И.* Теория международного права. – М. : Междунар. отношения, 1970.

29. Доклад четвертой Всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г. (A/CONF.177/20/Rev.1). – Нью-Йорк : ООН, 1996.

30. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН Последующая деятельность по итогам четвертой Всемирной конференции по положению женщин и всестороннее осуществление Пекинской декларации и Платформы действий A/RES/50/203 [Электронный ресурс]. – URL : http://www.un.org/russian/ga/50/docs/res50_5.htm.

31. *Уолдорф Л.* На пути к гендерному равенству : Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Пекинская платформа действий и Цели развития тысячелетия // Женский фонд развития ООН [Электронный ресурс]. – URL : www.unifemcis.org/img/database/33.pdf.

32. Двадцать третья специальная сессия «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке», Нью-Йорк, 5–9 июня 2000 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1997–2007. – URL : <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/23spec/>.

33. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. от 16 сентября 2005 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1997–2007. – URL : http://www.un.org/russian/documen/declarat/outcome2005_ch2.html#t16.

34. Резолюция Совета Безопасности ООН «Женщины и мир и безопасность» S/RES/1325 (2000) от 31 окт. 2000 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1997–2007. – URL : <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2000/res1325.htm>.

35. *Santini T.* Diritti umani, democrazia e sviluppo // *Politica internazionale*. – 1998. – Vol. 2, № 2. – P. 24–28.

36. *Abi-Saaba B.* Making Better International Law. – New York, 1998.

37. *Морова А.* Национальная стратегия обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь // Мир для женщин. Женщины для мира : материалы конф. ЮНЕСКО, Минск, 29–30 нояб. 2002 г. / Нац. комиссия по делам ЮНЕСКО в Респ. Беларусь [и др.] ; сост. и ред.: Г. И. Шатон, О. М. Рошинская. – Минск, 2003. – С. 7–11.

Статья поступила в редакцию 10.07.2013 г.